

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.04.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-5-678-684

Дата принятия рукописи в печать: 27.05.2026 г.

ПУДОВКИН Дмитрий Сергеевич,
аспирант кафедры гражданского права и процесса
Санкт-Петербургского университета технологий
управления и экономики, Россия, г. Санкт-Петербург,
e-mail: dimastik73@gmail.com

Научный руководитель:
КОСТЮК Н.Н.,
кандидат юридических наук, доцент,
Заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин
АНО ВО «Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС»,
e-mail: kostuk_nn@mail.ru

ИНСТИТУТ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА КАК ЭЛЕМЕНТ СПЕЦИАЛЬНОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Статья посвящена обоснованию института обязательного представительства как системообразующего элемента специальной правосубъектности искусственного интеллекта (ИИ). На основе анализа правосубъектности юридического лица как методологической аналогии выявлены принципиальные отличия квазисубъектности ИИ: специальный (целевой) характер правоспособности, условная деликтоспособность, отсутствие собственной воли и имущества. Предложены кумулятивные критерии наделения ИИ статусом квазисубъекта - функциональная автономность и способность к самообучению. Сконструирована модель обязательного представительства, в рамках которой оператор выступает основным законным представителем, а разработчик - субсидиарным. Раскрыто распределение прав и обязанностей в треугольнике «разработчик - оператор - система ИИ». Представлены три типовые модели взаимодействия через обязательного представителя (прямое, косвенное и смешанное представительство). Сделан вывод о том, что институт обязательного представительства позволяет адаптировать классические цивилистические конструкции к участию автономных самообучающихся систем в гражданском обороте.

Ключевые слова: искусственный интеллект, представительство, квазисубъект, разработчик, оператор, правосубъектность, автономные системы, регулирование.

PUDOVKIN Dmitry Sergeevich,
Postgraduate Student,
Department of Civil Law and Procedure
St. Petersburg University of Management
Technologies and Economics,
Russia, St. Petersburg

Scientific supervisor:
KOSTYUK N.N.,
Candidate of Law, Associate Professor,
Head of the Department of Civil Law Disciplines, Autonomous
Non-Profit Organization of Higher Education
“University at the Interparliamentary Assembly of EurAsEC”

THE INSTITUTE OF OBLIGATORY REPRESENTATION AS AN ELEMENT OF THE SPECIAL LEGAL PERSONALITY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: A CIVILISTIC ANALYSIS

Annotation. *This article substantiates the institution of mandatory representation as a core element of the specialized legal personality of artificial intelligence (AI). Using the legal personality of a legal entity as a methodological analogy, the article identifies fundamental differences in the quasi-subjectivity of AI: the special (targeted) nature of legal capacity, conditional tortious capacity, and the absence of independent will and property. Cumulative criteria for granting AI the status of a quasi-subject are proposed: functional autonomy and the ability to self-learn. A model of mandatory representation is constructed, within which the operator acts as the primary legal representative, and the developer as a subsidiary. The distribution of rights and obligations within the “developer-operator-AI system” triangle is revealed. Three typical models of interaction through a mandatory representative (direct, indirect, and mixed representation) are presented. It is concluded that the institution of mandatory representation allows for the adaptation of classical civil law constructs to the participation of autonomous self-learning systems in civil circulation.*

Key words: *artificial intelligence, representation, quasi-subject, developer, operator, legal capacity, autonomous systems, regulation.*

Стремительное развитие автономных и самообучающихся систем искусственного интеллекта (ИИ) ставит перед цивилистикой фундаментальный вопрос: каким образом правовая система должна реагировать на появление участников оборота, не обладающих сознательной волей, но способных совершать юридически значимые действия и причинять вред? Традиционная дихотомия «объект – субъект права» оказывается недостаточной. Признание ИИ исключительно объектом (вещью, результатом интеллектуальной деятельности) не позволяет адекватно описать ситуации, в которых система действует автономно, а её поведение становится непредсказуемым для разработчика и оператора. С другой стороны, наделение ИИ полной правосубъектностью по образцу физического или юридического лица противоречит основополагающим принципам гражданского права, в частности отсутствию собственной воли и имущественной обособленности.

В отечественной и зарубежной доктрине активно обсуждаются различные модели правового регулирования ИИ: от расширения статуса источника повышенной опасности до создания электронных лиц или электронных агентов. Однако большинство концепций либо фрагментарны, либо не предлагают целостного механизма реализации правосубъектности. Особенно слабо проработанным остаётся вопрос о том, как именно ИИ, будучи наделённым правами и обязанностями, может участвовать в гражданском обороте, если он не способен самостоятельно совершать сделки и нести ответственность. Ответ на этот вопрос видится в конструировании института обязательного представительства, который должен стать системообразующим элементом специальной правосубъектности ИИ.

Правовая доктрина на протяжении столетий вырабатывала механизмы, позволяющие признавать субъектами права образования, не обладающие биологической природой человека. Наиболее

ярким воплощением этой эволюции стала конструкция юридического лица — искусственного субъекта права, чья правосубъектность производна от закона и не связана с наличием сознания или воли в антропологическом смысле. Как справедливо отмечает П.М. Морхат, правосубъектность корпораций и распространение подобных принципов на юниты искусственного интеллекта обнаруживают глубокое сходство характеристик, позволяющее рассматривать юридическое лицо в качестве методологического прообраза для определения правового статуса автономных систем [1].

Юридическое лицо, как известно, обладает рядом фундаментальных признаков, имеющих значение для конструирования правосубъектности искусственных образований. Во-первых, его правосубъектность является производной от воли государства и закона, а не присущей ему от природы. Во-вторых, она представляет собой единство правоспособности и дееспособности, реализуемое через органы управления. В-третьих, юридическое лицо самостоятельно отвечает по своим обязательствам принадлежащим ему имуществом. Как подчеркивает Г.И. Бабин, анализ доктринальных концепций позволяет выделить подход, согласно которому правосубъектность искусственного интеллекта может быть сконструирована по аналогии с правосубъектностью юридических лиц, что открывает возможность для использования наработанного цивилистического инструментария [2].

В зарубежной доктрине аналогичная логика нашла выражение в концепции «электронного лица» (electronic person), предложенной Европейским парламентом в резолюции от 16 февраля 2017 года. Как отмечает Саймон Честерман, идея признания за искусственными системами правосубъектности восходит к более широкой традиции наделения юридической личностью нечеловеческих образований: корпораций, фондов, а в некоторых юрисдикциях — даже экосистем [3]. При

этом ключевым обоснованием такого признания выступает инструментальная рациональность: правосубъектность рассматривается как юридическая фикция, упрощающая распределение ответственности и обеспечивающая эффективное участие в обороте. В.И. Павлов, анализируя антрополого-правовые аспекты признания «умного робота» субъектом права, приходит к выводу, что такая фикция допустима «в целях юридической прагматики и обеспечения правовых отношений с участием цифрового элемента» [4].

Однако между правосубъектностью юридического лица и предлагаемой квазисубъектностью искусственного интеллекта существуют принципиальные различия, обусловленные спецификой объекта регулирования. Если правоспособность юридического лица в основе своей является общей (универсальной), пусть и может быть ограничена уставом для отдельных категорий организаций, то правосубъектность ИИ предлагается сделать изначально специальной (целевой). Как отмечает П.М. Морхат, наделение искусственного интеллекта гражданской правосубъектностью должно быть строго целевым и ограниченным тем кругом задач, для решения которых он создан и используется [5]. Такой подход находит поддержку и в зарубежных исследованиях: признание за ИИ статуса субъекта права не должно означать наделения его всей полнотой правоспособности, присущей человеку или организации; напротив, речь идет о конструировании особой формы правовой агентности, производной от воли законодателя [6].

Различия касаются и механизма реализации правосубъектности. Юридическое лицо реализует свою правоспособность через органы (единоличные или коллегиальные), которые формируют и выражают его волю вовне. В случае с ИИ отсутствует собственная, автономная воля в человеческом понимании, что делает невозможным прямое применение модели органов. Как указывает Ю.О. Лысаковская, для искусственного интеллекта требуется особая конструкция, при которой его участие в обороте опосредуется действиями разработчика или оператора, выступающих в роли своего рода «электронных агентов» [7]. Это сближает предлагаемую модель с институтом законного представительства, известным гражданскому праву, но наполняет его специфическим содержанием.

Наконец, принципиальное различие обнаруживается в сфере деликтоспособности. Юридическое лицо самостоятельно отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом. Для ИИ, не обладающего собственным обособленным имуществом в классическом понимании, такая модель неприменима. Деликтоспо-

собность искусственного интеллекта должна носить условный и производный характер, проявляясь в способности быть носителем специфических обязанностей алгоритмического характера и выступать в качестве условного ответчика, тогда как реальная имущественная ответственность возлагается на контролирующих лиц.

Предлагаемая конструкция специальной правосубъектности искусственного интеллекта принципиально отличается от классического понимания правосубъектности физических и юридических лиц. Её содержание раскрывается через два взаимосвязанных элемента: специальную правоспособность и условную деликтоспособность. Именно специфика этих элементов объективно обуславливает необходимость введения института обязательного представительства.

Специальная правоспособность автономного ИИ заключается не в способности иметь любые гражданские права и обязанности, а в признании за ним возможности быть носителем строго определённого, целевого круга прав и обязанностей, непосредственно вытекающих из его функционального назначения. Например, высокоавтономная система, предназначенная для заключения договоров поставки в рамках определённой электронной торговой площадки, может быть наделена правоспособностью совершать строго определённые юридические действия: формировать и направлять оферты и акцепты, подписывая их квалифицированной электронной подписью оператора. При этом такой ИИ не может выступать в качестве наследника или приобретателя прав по договору дарения, так как эти правомочия выходят за рамки его функционального предназначения.

Помимо прочего, важным аспектом специальной правоспособности ИИ является её асимметричный характер. Если для традиционных субъектов права правоспособность предполагает прежде всего наличие прав, то для ИИ акцент смещён в сторону специфических обязанностей, непосредственно связанных с его алгоритмической природой. Как отмечают Е.С. Селиванова и А.С. Конопий, в условиях автономного функционирования систем ИИ особое значение приобретают такие требования, как обеспечение прозрачности (объяснимости) алгоритмов, недискриминационность принимаемых решений и логирование (протоколирование) действий системы для последующего контроля [8].

Деликтоспособность как элемент правосубъектности ИИ требует самостоятельного теоретического осмысления. В классическом понимании деликтоспособность — это способность лица нести ответственность за совершённое гражд-

данское правонарушение. Применительно к квазисубъекту-ИИ речь не может идти о самостоятельной имущественной ответственности, поскольку у него отсутствует собственное обособленное имущество, на которое может быть обращено взыскание.

В связи с этим предлагается рассматривать деликтоспособность ИИ как условную и производную, проявляющуюся в двух аспектах.

Первый аспект - способность быть носителем специфических неимущественных обязанностей алгоритмического характера. К их числу можно отнести:

- обязанность обеспечения алгоритмической прозрачности (объяснимости) - технической возможности для контролирующих лиц и в определённых случаях для контрагентов понять логику, на основе которой система приняла то или иное решение;
- обязанность обеспечения недискриминации — настройку и функционирование алгоритмов без необоснованного предпочтения или ущемления каких-либо лиц по не связанным с предметом договора признакам;
- обязанность ведения логирования своих действий и решений в целях последующего контроля и установления причинно-следственной связи при наступлении неблагоприятных последствий.

Второй аспект - способность ИИ выступать в качестве условного ответчика в деликтных обязательствах. Это означает, что при причинении вреда действиями автономного ИИ потерпевший вправе предъявить требование к самому ИИ как к непосредственному причинителю. Вместе с тем, поскольку взыскание не может быть обращено на алгоритм, реальное исполнение обязанности по возмещению вреда обеспечивается за счёт имущества оператора или разработчика.

Наделение искусственного интеллекта статусом специального квазисубъекта права не может и не должно носить универсального характера. Введение такого правового режима является обоснованным исключительно для тех систем, которые в силу своих технических характеристик выходят за рамки простого инструмента, исполняющего заранее запрограммированный алгоритм. Как отмечает В.А. Виноградов, пока речь идёт о, так называемом, «слабом ИИ», он будет оставаться объектом, а не субъектом правоотношений; ответственность за его действия в зависимости от обстоятельств может нести разработчик или владелец системы [9]. Следовательно, необходимо установить чёткие юридические критерии для отнесения систем ИИ к категории квазисубъекта права.

В качестве таких критериев предлагаются функциональная автономность и способность к самообучению, которые должны применяться кумулятивно.

Функциональная автономность представляет собой способность системы искусственного интеллекта принимать решения и совершать юридически значимые действия в заданной предметной области без непосредственного, детализированного вмешательства человека в каждый конкретный акт принятия решения. Принято считать, что автономной является система, которая работает без вмешательства человека, тогда как автоматизированная - по заранее определённому алгоритму [10].

Однако применительно к правовому анализу речь идёт не о полной независимости, а о значительной степени свободы в рамках операционной среды. Ключевым признаком здесь является не просто автоматизация, а наличие у системы возможности анализировать внешние данные и на их основе самостоятельно выбирать один из множества возможных вариантов поведения, который не был однозначно предопределён разработчиком или оператором в момент создания. Простым примером системы, лишённой такой автономности, является программный робот, который строго следует инструкции «при поступлении заявки с параметром X перевести сумму Y на счёт Z». В то же время система, которая анализирует рыночную конъюнктуру, финансовые показатели контрагента и на основе комплексной оценки самостоятельно принимает решение о заключении договора на определённых условиях, демонстрирует ту самую функциональную автономность, которая требует особого правового опосредования.

Е.О. Федорук обращает внимание на сложность определения автономности: исследователи, руководствуясь критерием автономности, делают выводы о необходимости наделения ИИ особым статусом, однако единое понимание автономности в науке до сих пор не сформировано [10]. С учётом этого, предлагается понимать функциональную автономность не как способность существовать без человека вообще, а как способность действовать без детерминированного человеком алгоритма в каждой конкретной ситуации.

Способность к самообучению выступает вторым необходимым и взаимодополняющим критерием. Данное свойство предполагает, что система может изменять собственную модель поведения (алгоритмы, параметры принятия решений) на основе анализа новых данных и опыта своей работы, выходя за рамки первоначально заложенной в неё логики.

Именно способность к самообучению порождает основную правовую проблему — «проблему

чёрного ящика», когда конечное решение системы не может быть прямо и полно выведено из её исходного кода и входных данных, становясь непрозрачным и в определённой степени непредсказуемым даже для её создателей.

Это создаёт объективную основу для выделения таких систем в особую категорию, поскольку их поведение перестаёт быть прямым следствием воли разработчика или оператора. Система, которая, к примеру, постоянно оптимизирует стратегию торговли на бирже, адаптируясь к новым, ранее не наблюдавшимся паттернам, или чат-бот, который в процессе взаимодействия с пользователями развивает уникальные языковые модели, обладает способностью к самообучению. Отсутствие данного критерия оставляет систему в рамках классической парадигмы «инструмент — пользователь», где вся ответственность лежит на лице, использующем предсказуемую систему.

Предлагаемые критерии должны применяться кумулятивно. Только система искусственного интеллекта, обладающая одновременно и функциональной автономностью, и способностью к самообучению, может претендовать на признание за ней специальной квазисубъектности и, следовательно, нуждаться в институте обязательного представительства. Такой подход позволяет провести разумную границу между продвинутыми, но предсказуемыми автоматизированными системами, ответственность за которые полностью лежит на их операторе, и качественно новыми явлениями — автономными самообучающимися системами, взаимодействие с которыми требует формирования уникальной правовой конструкции.

Помимо прочего, введение конструкции квазисубъекта для автономного самообучающегося ИИ объективно порождает необходимость создания механизма реализации его правосубъектности. Таким механизмом предлагается институт обязательного представительства, в рамках которого оператор и разработчик выступают в качестве законных представителей ИИ. Данный институт конструируется по аналогии с законным представительством недееспособных граждан, но с учётом специфики искусственной природы автономной системы.

Оператор ИИ — лицо, использующее систему искусственного интеллекта для достижения собственных целей в хозяйственной или иной деятельности, осуществляющее фактическое господство и контроль над системой. В предлагаемой модели оператор выступает основным законным представителем квазисубъекта-ИИ. Его правовой статус предполагает две группы полномочий.

Во-первых, оператор реализует «волеобразующую» и «волеизъявляющую» функции.

Поскольку у ИИ отсутствует собственная сознательная воля, именно оператор задаёт цели и параметры функционирования системы, а также совершает от её имени юридически значимые действия, порождающие, изменяющие или прекращающие гражданские правоотношения. На практике это означает, что оператор заключает договоры, в которых квазисубъект-ИИ выступает стороной, используя механизмы электронной подписи, аффилированной с оператором.

Во-вторых, на оператора возлагается презюмируемая ответственность за действия квазисубъекта-ИИ. По общему правилу, оператор отвечает за вред, причинённый автономной системой, если не докажет, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего. К действиям автономного ИИ может быть применена по аналогии конструкция источника повышенной опасности, что возлагает на оператора как на владельца такого источника обязанность по возмещению вреда независимо от его вины.

Разработчик (создатель) ИИ — лицо, создавшее или существенно модифицировавшее систему, наделившее её свойствами функциональной автономности и способности к самообучению. Правовой статус разработчика как законного представителя носит субсидиарный характер. Разработчик может быть привлечён к ответственности наряду с оператором, если будет доказано, что причинение вреда или нарушение обязательств стало прямым следствием дефектов разработки, скрытых неустранимых ошибок в алгоритмах или исходных данных, которые не могли быть выявлены и устранены оператором при проявлении должной осмотрительности.

Разграничение ответственности между оператором и разработчиком должно осуществляться по критериям контроля и предвидения. Оператор несёт ответственность за действия ИИ в рамках эксплуатационного контекста, который ему подконтролен. Разработчик отвечает за фундаментальные, системные недостатки, заложенные в архитектуру ИИ. В случае причинения вреда потерпевший вправе предъявить требование о возмещении как к оператору, так и к разработчику; последующие регрессные требования между ними разрешаются в зависимости от установленной вины каждого в наступлении вредоносного результата.

Предложенная конструкция обязательного представительства может реализовываться в нескольких типовых моделях взаимодействия между ИИ, его представителями и третьими лицами. Выбор модели зависит от степени автономности системы, воли оператора и характера правоотношений.

Модель прямого представительства с заявлением о статусе. В данной модели контрагент заключает сделку, заведомо зная, что его контрагентом выступает ИИ, действующий через законного представителя – оператора. При этом права и обязанности возникают непосредственно у квазисубъекта-ИИ, а оператор действует в пределах полномочий, установленных законом. Такая модель обеспечивает максимальную прозрачность и позволяет контрагенту осознанно принимать риски, связанные с автономностью системы. Она может быть рекомендована для высокорисковых сделок или для случаев, когда ИИ выступает стороной договора в качестве самостоятельного участника оборота.

Модель косвенного представительства. Оператор использует ИИ для заключения и исполнения сделок от своего собственного имени, не раскрывая контрагенту факта использования автономного искусственного интеллекта. В этой ситуации права и обязанности возникают непосредственно у оператора, а ИИ рассматривается как высокоуровневый инструмент формирования и выражения воли оператора. Однако если будет доказано, что причинение вреда или нарушение обязательств стали прямым следствием непредсказуемых действий самообучающегося алгоритма, может быть поставлен вопрос о применении к отношениям правил о квазисубъектности и привлечении к ответственности разработчика. Данная модель часто встречается на практике, особенно в сфере финансовых технологий, где роботы-советники функционируют под брендом компании-оператора.

Смешанная модель (поручительство или раскрытие с оговоркой об ограничении ответственности). Наиболее вероятная на первом этапе внедрения модель, при которой оператор раскрывает контрагенту факт использования ИИ, но при этом либо заключает сделку от своего имени, либо выступает в качестве поручителя по обязательствам квазисубъекта-ИИ. Это позволяет распределить риски: контрагент получает дополнительного должника (оператора), а оператор получает возможность ограничить свою ответственность, формализовав её пределы в договоре.

С точки зрения правоприменения важно, чтобы модель взаимодействия не использовалась для уклонения от ответственности. Если оператор систематически скрывает факт использования автономного ИИ в целях создания видимости личного участия, суд может применить правила о фиктивности сделки или об ответственности за недобросовестное поведение (ст. 10 ГК РФ). Введение обязательного представительства как законного института позволит создать единые

стандарты раскрытия информации об использовании ИИ и распределения ответственности, что повысит предсказуемость оборота и защиту прав контрагентов.

Список литературы:

- [1] Морхат П.М. Правосубъектность электронного лица: методологические подходы в гражданском праве // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2018. № 7. С. 39–46.
- [2] Бабин Г.И. Правосубъектность искусственного интеллекта: доктринальные проблемы, международный опыт и перспективы регулирования в России // Российское конкурентное право и экономика. 2025. № 4. С. 62–70.
- [3] Chesterman S. (2025) From Slaves to Synths? Superintelligence and the Evolution of Legal Personality // NUS Law Working Paper. 2025. № 2025/17. P. 2-19.
- [4] Павлов В.И. Могут ли антрополого ориентированные цифровые инструменты (антрополого-правовой анализ) быть признаны субъектами права? // Цифровые технологии и право. 2025. Т. 1. № 1. С. 57-66.
- [5] Морхат П.М. К вопросу о специфике правового регулирования искусственного интеллекта и о некоторых правовых проблемах его применения в отдельных сферах // Закон и право. 2018. № 6. С. 63-67.
- [6] Priyam, S. (2025) Artificial Intelligence, Legal Personhood, And Determination Of Criminal Liability // Indian Journal of Legal Review [ISSN – 2583-2344]. 2025. № 5 (7). P. 212-222. APIS – 3920-0001.
- [7] Лысаковская Ю.О. Расширение сферы агентских правоотношений в связи с созданием технологических возможностей для делегирования агентской функции объектам прав — носителям искусственного интеллекта // Цифровые технологии и право. 2023. Т. 1. № 5. С. 190–204.
- [8] Селиванова Е.С., Конопий А.С. Юридически значимые признаки искусственного интеллекта и их влияние на правовой статус решений, принимаемых интеллектуальными системами // Право и управление. XXI век. 2025. Т. 21. № 3. С. 49-61.
- [9] Виноградов В.А. Intellectus ex machina: видимость, потенциальная правосубъектность, ответственность за действия и решения искусственного интеллекта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2025. Т. 16. № 3. С. 1–18.
- [10] Федорук Е.О. Автономность как критерий правосубъектности искусственного интеллекта и его применение в сфере интеллектуальных прав // Труды по интеллектуальной собственности. 2022. Том 41. № 2. С. 90-97.

References:

[1] Morkhat P.M. Pravosub"ektnost' elektron-nogo litsa: metodologicheskie podkhody v grazhdan-skom prave // Intellektual'naia sobstvennost'. Avtor-skoe pravo i smezhnye prava. 2018. № 7. S. 39–46.

[2] Babin G.I. Pravosub"ektnost' iskusstven-nogo intellekta: doktrinal'nye problemy, mezhdunar-odnyi opyt i perspektivy regulirovaniia v Rossii // Rossiiskoe konkurentnoe pravo i ekonomika. 2025. № 4. S. 62–70.

[3] Chesterman S. (2025) From Slaves to Synths? Superintelligence and the Evolution of Legal Personality // NUS Law Working Paper. 2025. № 2025/17. P. 2-19.

[4] Pavlov V.I. Mogut li antropologo orienti-rovannye tsifrovye instrumenty (antropologo-pravo-voi analiz) byt' priznany sub"ektami prava? // Tsifrovye tekhnologii i pravo. 2025. T. 1. № 1. S. 57-66.

[5] Morkhat P.M. K voprosu o spetsifike pravo-vogo regulirovaniia iskusstvennogo intellekta i o nekotorykh pravovykh problemakh ego primeneniia v ot-del'nykh sferakh // Zakon i pravo. 2018. № 6. S. 63-67.

[6] Priyam, S. (2025) Artificial Intelligence, Legal Personhood, And Determination Of Criminal Liability // Indian Journal of Legal Review [ISSN – 2583-2344]. 2025. № 5 (7). P. 212-222. APIS – 3920-0001.

[7] Lysakovskaia Iu.O. Rasshirenie sfery agent-skikh pravootnoshenii v sviazi s sozdaniem tekhnolo-gicheskikh vozmozhnostei dlia delegirovaniia agentskoi funktsii ob"ektam prav — nositeliam iskus-stvennogo intellekta // Tsifrovye tekhnologii i pravo. 2023. T. 1. № 5. S. 190–204.

[8] Selivanova E.S., Konopii A.S. Iuridicheski znachimye priznaki iskusstvennogo intellekta i ikh vli-ianie na pravovoi status reshenii, prinimaemykh intell-ektual'nymi sistemami // Pravo i upravlenie. XXI vek. 2025. T. 21. № 3. S. 49-61.

[9] Vinogradov V.A. Intellectus ex machina: vidi-most', potentsial'naia pravosub"ektnost', otvetstven-nost' za deistviia i resheniia iskusstvennogo intellekta // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2025. T. 16. № 3. S. 1–18.

[10] Fedoruk E.O. Avtonomnost' kak kriterii pra-vosub"ektnosti iskusstvennogo intellekta i ego prime-nenie v sfere intellektual'nykh prav // Trudy po intellektual'noi sobstvennosti. 2022. Tom 41. № 2. S. 90-97.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.